

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНТЕГРАЦИИ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ МЕТАФТОНИМИИ

О. С. Шарманова

*Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске –
филиал Московского государственного лингвистического университета*

Поступила в редакцию 12 апреля 2016 г.

Аннотация: в статье представлен анализ лингвистических учений, посвященных особенностям взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии как когнитивных единиц. Рассматриваются различные подходы возникновения метафоро-метонимических трансформаций, а также проблемы определения термина «метафтонимия».

Ключевые слова: метафора, метонимия, трансформация, метафтонимия.

Abstract: the article reviews linguistic research on interaction and integration between two cognitive units: metaphor and metonymy. Different approaches to the transformation between metaphor and metonymy are considered. The problem to the definition of the term “metaphonymy” is analyzed.

Key words: metaphor, metonymy, transformation, metaphonymy.

В когнитивной лингвистике концептуальные метафора и метонимия – это ментальные механизмы, сформированные в процессе взаимодействия двух понятийных областей: сферы-источника и сферы-мишени на основе ассоциаций по сходству либо по смежности. Принцип сходства, аналогии и сравнения является базовым для образования метафоры; в метонимии реализуется принцип смежности, сопредельности, именно поэтому их функции различны: для метафоры доминантной является характеризующая функция, для метонимии – идентифицирующая [1, с. 234]. Однако функции реализации метафорических и метонимических приемов могут совпадать, поскольку в основе их образования лежит ассоциативный принцип, и один и тот же объект действительности может частично обозначать другой и одновременно рассматриваться метафорически, реализуя определенные свойства подобия в метонимии. Учитывая данный факт, некоторыми когнитивистами, такими как Д. Герэртс, Ж. Фоконье, М. Тернер, Ф. Руиз де Мендоза, Ф. Унгерер, Л. Гуссенс и др., к которым мы присоединяемся, выдвигается гипотеза о существовании концептуального «слияния» метафоры и метонимии как новой ментальной единицы.

Когнитивная лингвистика изучает метафору и метонимию, идея о взаимодействии которых восходит к психолингвистическим трудам Р. Якобсона. Исследуя две формы афазии, ученый пришел к выводу, что оба процесса – метафоризация и метонимизация – постоянно находятся во взаимодействии; при этом метафора соотносится с парадигматическим, а мето-

нимия – с синтагматическим планом языка. При детальном исследовании, под влиянием культуры, личности и стиля определенное предпочтение может отдаваться одному из этих процессов [2, S. 167–168]. Основные положения учения Р. Якобсона о взаимодействии метафоры и метонимии дали свое развитие в работах по психолингвистике (Р. Барч, Р. Дирвен, Б. Уоррен и др.), в теории языковой номинации (Э. С. Азнаурова, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева и др.). Вопрос определения функционирования механизмов концептуальной метафоры и метонимии привел к тому, что ряд лингвистов настаивает на строгом разграничении данных феноменов (Н. Д. Арутюнова, Р. Дирвен, Р. Барч, У. Крофт, Э. Кёвечеш, Г. Палмер, К-У. Пантер, Л. Л. Торнбург, Б. Уоррен и др.), в то время как другие предпринимают попытки объяснить их частичное наложение (Дж. Тейлор, Л. Гуссенс, К. Фейэртс, Н. Риммер, Д. Герэртс, Ж. Фоконье, М. Тернер, Дж. Греди, М. Джонсон, А. Н. Соколов, Р. И. Устарханов и др.). В основе концептуальных метафор и метонимий лежит сложное фрактальное построение, которое может служить причиной возникновения синтеза метафоро-метонимических трансформаций. Когнитивное понимание метонимии рассматривается как проекция смежных элементов одного концептуального домена, а метафоры – как проекции элементов разных концептуальных доменов. Так как и метафора, и метонимия – концептуальные феномены, они могут относиться к одним и тем же концептуальным доменам, а значит – взаимодействовать друг с другом в пределах концептуальной системы. Так, при проекции одного концептуального домена на другой воз-

можно активация одного из сегментов доменов и его переосмыслении как смежного, или смежное проецирование сегментов одного домена требует дополнительно концептуального расширения по сходству. Такая интеграция метафоры и метонимии получила название метафтонимии.

Термин «метафтонимия» как концептуальное взаимодействие между метафорой и метонимией был разработан и введен Л. Гуссенсом. Однако в работах многих лингвистов (Дж. Лакофф, М. Джонсон, У. Крофт, Дж. Тейлор, Г. Радден, К. Фейэртс и др.) ранее высказывались предположения о том, что при противопоставлении метафоры и метонимии возникает потребность описания случаев синкретической метафоры и метонимии. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон предположили, что большинство метафор основано на образных схемах смежных отношений, таких как вместимость, близость и отдаленность, соединение и разделение, направление вперед-назад, отношение часть-целое, линейный порядок, направление вверх-вниз и т.д. [3, р. 271–275]. Дж. Тейлор рассматривает метонимию как доминирующий когнитивный процесс, лежащий в основе образования метафоры. Он полагает, что во многих случаях соотношение между понятием вертикали и метафорическим расширением в понятиях количества, оценки и силы («Больше есть вверх», «Хорошо есть вверх», «Сила есть вверх») – это метонимические отношения. Поскольку объект становится выше, количество увеличивается, значит один аспект заменяется другим. Из этого следует, что метонимические формы могут расширять основу для метафоры [4, р. 122–141]. Несмотря на то, что многими когнитологами признан факт существования «пограничной» формы между метафорой и метонимией, все еще сохраняется полемика относительно природы происхождения метафоро-метонимических трансформаций и их потенциальных возможностей. А. Барселона утверждает, что все метафорические проецирования предполагают предшествующие метонимические, т.е. в основе любой метафоры заложены метонимические связи [5, р. 16]. Однако большинство лингвистов подвергают сомнению тот факт, что основанием метафоры является метонимия и полагают, что концептуальное смешение метафоры и метонимии возможно лишь при определенных условиях (Дж. Тейлор, Г. Радден, К. Фейэртс, В. Эванс, М. Грин, Е. В. Падучева и др.). К. Фейэртс рассматривает процесс метафорического проецирования как сложно организованную иерархию, в которой сфера-мишень частично сохраняет структуру сферы-источника. Метонимические проецирования также организованы иерархически, что дает возможность взаимодействия двух иерархий (метафорической и метонимической) для определения смысла языкового значения. При этом К. Фейэртс утверждает, что ме-

тафтонимическое взаимодействие реализуется только на языковом уровне [6, с. 59–78]. Рассматривая логически возможные способы потенциального взаимодействия метафоры и метонимии, Л. Гуссенс описывает случаи «метафтонимии» на основе ответных реплик, выделяя три сферы-источника:

а) части тела, в особенности язык, рот и губы (например, *прикусить язык*);

б) звуки, воспроизводимые людьми, животными, инструментами и т.д. (например, *этим переменам будут аплодировать*);

с) насильственные действия (например, *забросать грязью, опорочить*).

Л. Гуссенс выделяет в широком смысле три типа метафтонимии: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры, метафора внутри метонимии. В качестве примера первого типа метафтонимии – метафора из метонимии – служит глагол *snar at* (*огрызаться*) в значении «ответить в грубой, раздраженной форме». Метонимическая основа данного выражения заключена в быстром сжатии челюстей, подобно собаке, которая злобно рычит, грозя укусом тому, кто задел ее. Л. Гуссенс утверждает, что *огрызаться* – это реальное быстрое сжатие челюстей говорящего, поэтому для говорящего – это метонимия. Однако одновременно при этом животные инстинкты ассоциативно сравниваются по аналогии с эмоциональной сферой человека, тем самым приобретая метафорическое значение.

Второй тип метафтонимии – метонимия внутри метафоры представляет собой метафорическое выражение, в котором все еще остались метонимические корни. Этот тип метафтонимии передается, как правило, при обозначении частей тела, таких как *язык* или *рот*, например, *I could bite my tongue off* (*Я бы скорее прикусил язык*). Способность говорить в целом представлена путем активации смежного элемента части – языка от целого – рот с губами, зубами, языком и т.д. Образное действие «прикусить язык» метафорически проецируется на реальную ситуацию лишения способности говорить.

Третий тип взаимодействия – метафора внутри метонимии – представлен в выражении *get up on one's hind legs* (*встать на дыбы*) в значении «выразить протест, оспорить что-либо на публике», сфера-источник «встать, подняться» метонимически замещает выражение «участвовать в общественных обсуждениях». Но смешение со сферой физиологии животных, подразумевающее наличие передних и задних лап, открывает метафорическое (или антропоморфное) окно в метонимическую область, так что целое выражение является смешением базисных метонимических элементов и метафоры с юмористическим подтекстом [7, р. 149–170]. Однако первый и второй типы метафтонимии, на наш взгляд, слабо различимы

и являются частными случаями метонимического расширения сферы-источника. Третий тип метафтонимии также подвергается сомнению: для понимания понятийной области источника данной метафоры не требуется метонимического расширения.

Относительно небольшой корпус эмпирического материала и недостаточно четкая классификация случаев метафорического и метонимического слияния позволяет подвергнуть сомнению некоторые положения в теории Л. Гуссенса. Признавая его идею о существовании концептуального смешения элементов метафоры и метонимии, одни лингвисты выделяют лишь один тип смешения как метонимическое расширение метафорического источника (Д. Герэртс, С. Нимайер, Г. Радден, Н. Ример, Ф. Руиз де Мендоза, Ф. Унгерер, А. Н. Соколов), другие признают наличие разных форм смешения (Ж. Фоконье, М. Тернер, Дж. Греди, М. Джонсон, Л. Гуссенс, Р. И. Устарханов). Г. Радден, Н. Ример, Д. Герэртс определяют единственный тип взаимодействия метафоры и метонимии – метафора на базе метонимии – с различными типами метонимической связи в ее основе. Лингвисты предполагают существование блендинга в общем метафоро-метонимическом континууме, предложенном Р. Якобсоном. Д. Герэртс анализирует метафору и метонимию в идиоматических выражениях, как на парадигматической, так и синтагматической осях [8, р. 435–464]. Г. Радден утверждает, что прототипические случаи метафоры и метонимии находятся на разных полюсах, а случаи их взаимодействия – в центральной зоне данного континуума [9, р. 93–108]. Н. Ример полагает, что в основе любой метафоры находятся метонимические связи, и различает два этапа объяснения метафорических выражений: первый этап – метонимическое расширение значения выражения, которое на втором этапе метафорически накладывается на новое значение. Например, в метафорическом выражении *to kick someone out of his flat* (пнуть кого-то из собственной квартиры), несмотря на то, что не является буквальным действием с помощью ног, находит свое метонимическое расширение как (психологически или юридическими) силовое воздействие, которое затем метафорически производит эффект «выталкивания» [10; 11, р. 379–406]. В отличие от Л. Гуссенса, Д. Герэртс, Г. Радден, Н. Ример приводят многочисленные примеры наличия метонимических элементов в метафоре.

Основываясь на идеях Л. Гуссенса, Р. И. Устарханов описывает пять случаев блендинга: 1) пропорциональная интеграция со свободным сочетанием метафорического и метонимического конститuentов; 2) многоплоскостная интеграция концептуальных элементов; 3) интеграция метафоры и метонимии на базе метонимии с блокированием метонимического конститuentа; 4) интеграция метафоры и метонимии

на базе метафоры с сохранением метафорического конститuentа; 5) интеграция метафоры и метонимии на базе метонимии с сохранением метонимического конститuentа [12, с. 19]. Ж. Фоконье и М. Тернер подходят к анализу взаимодействия метафоры и метонимии в рамках теории ментальных пространств, где в качестве входных пространств (сфера-источник и сфера-мишень) могут быть представлены как метафоры, так и метонимии [13, р. 133–145]. Несмотря на критический анализ двудомной модели (Дж. Лаккофф, М. Джонсон) и многопространственной модели (Ж. Фоконье, М. Тернер), Ф. Руиз де Мендоза и О. И. Диез заимствуют характерные черты обеих теорий для исследования взаимодействия метафоры и метонимии [14, р. 489–529]. Ф. Руиз де Мендоза полагает, что самым продуктивным метафоро-метонимическим смешением является взаимодействие метафоры с метонимией «источник-в-мишени» (Часть вместо Целого), в котором метонимия является составной частью метафорической сферы-источника [15, р. 109–130]. Следовательно, предлагается третий вариант модели взаимодействия метафоры и метонимии в составе метафтонимии.

Таким образом, в нашем исследовании мы принимаем точку зрения Ф. Руиз де Мендоза о том, что метафоро-метонимический блендинг основывается на метафорической сфере-мишени, внутри которой прослеживаются метонимические связи «Часть вместо Целого». На наш взгляд, три типа метафтонимии, описанные Л. Гуссенсом, отражают один способ взаимодействия: метафорический источник требует метонимического расширения или базируется на метонимической основе. В основе всех трех типов метафтонимии лежит метафорическое проецирование элементов сферы-источника на элементы сферы-мишени. Метафора и метонимия находятся в едином ментальном континууме функционирования ассоциативных процессов, в котором обнаруживается наложение метонимических и метафорических механизмов, что служит причиной образования синтеза метафоро-метонимических трансформаций. Оба феномена взаимодействуют друг с другом в пределах одной концептуальной системы. При проекции одной понятийной сферы на другую возможна активация одного из сегментов сферы, провоцирующая дополнительное концептуальное расширение по сходству или по смежности, в результате чего возникает бленд из метафоро-метонимических трансформаций – метафтонимия. В метафтонимии обнаруживаются как ассоциативные связи по сходству (взаимодействие двух понятийных сфер, относящихся к разным концептуальным пространствам), так и по смежности (взаимодействие двух концептуально близких сущностей в пределах одного концептуального пространства). При этом элементы сферы-источника имеют метони-

мическое расширение или метонимическую основу. Метафтонимия обнаруживается в модели, которую схематично можно представить в виде схемы: (А вместо В) + (А есть В) = X, где (А вместо В) – схема концептуальных метонимических связей, а (А есть В) – схема концептуальных метафорических связей. Метафтонимия «Х» возникает вследствие слияния концептуальных метонимических связей с метафорическими. Полагаем, что наряду с метафорой и метонимией, метафтонимия также может претендовать на статус когнитивной единицы, которая хранит образ внеязыковой действительности, возникающий при запуске механизмов замещения и со-вмещения в понятийной системе человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарманова О. С. Параметры различия метафоры и метонимии в немецкоязычных СМИ / О. С. Шарманова // Языковая реальность познания : сб. науч. трудов. – Иркутск, 2009. – С. 229–235.

2. Jakobson R. Der Doppelcharakter der Sprache und die Polarität zwischen Metaphorik und Metonymik / R. Jakobson // Theorie der Metapher / hrsg. von Anselm Haverkamp. – Darmstadt : Wiss. Buchges., 1996. – S. 163–174.

3. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

4. Taylor J.R. Linguistic categorization : prototypes in linguistic theory / J. R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 312 p.

5. Barcelona A. Introduction. The cognitive theory of metaphor and metonymy / A. Barcelona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.

6. Feysaerts K. Refining the Inheritance Hypothesis : Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies / K. Feysaerts // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.

Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске – филиал Московского государственного лингвистического университета

Шарманова О. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии

E-mail: oxana1709@mail.ru

Тел.: 8 (983) 246-62-45

7. Goossens L. Patterns of meaning extension, “parallel chaining”, subjectification, and modal shifts / L. Goossens // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.

8. Geeraerts D. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions / D. Geeraerts // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2002. – 605 p.

9. Radden G. How metonymic are metaphors? / G. Radden // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.

10. Riemer N. Interpreting Semantic Extension: Metaphor and Metonymy on Different Levels of Lexical Categorization / N. Riemer. – Mode of access: http://www.arts.usyd.edu.au/departs/english/staff/profiles/riemer_n.shtml

11. Riemer N. When is a metonymy no longer a metonymy? / N. Riemer // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2002. – 605 p.

12. Устарханов П. И. Метафтонимия в английском языке : интерпретационно-когнитивный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. И. Устарханов. – Пятигорск, 2006. – 21 с.

13. Fauconnier G. Metaphor, metonymy and binding / G. Fauconnier, M. Turner // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.

14. Ruiz de Mendoza F. J. Patterns of conceptual interaction / F. J. Ruiz de Mendoza, O. I. Diez // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2002. – 605 p.

15. Ruiz de Mendoza F. J. The role of mapping and domains in understanding metonymy / F. J. Ruiz de Mendoza // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyer, 2003. – 356 p.

Eurasian Linguistic Institute in Irkutsk – Branch of the Moscow State Linguistic University

Sharmanova O. S., Candidate of Philology, Associate Professor of the German Philology Department

E-mail: oxana1709@mail.ru

Tel.: 8 (983) 246-62-45